

Научная статья

УДК 342.56

DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.34.55

Становление науки публичного права: от глоссаторов к сравнительному методу Жана Бодена

Вячеслав Евгеньевич Кондуров

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия 199034,
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, v.kondurov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7331-4305>

Аннотация

Начало правовой науки, как правило, относят к XI–XII векам, когда школе глоссаторов удалось создать общий, базирующийся на схоластике подход к исследованию и преподаванию римского права. Впоследствии данный текстоцентричный, «буквалистский» метод был преобразован школой «комментаторов», в особенности Бартоло да Сассоферрато. Комментаторы в отличие от глоссаторов проявляли куда больший интерес к вопросам публичного права, что было продиктовано во многом политической ситуацией эпохи, в том числе стремлением итальянских городов к автономии. Тем не менее принципиальный пересмотр метода глоссаторов стал возможен лишь позднее, когда под влиянием гуманистической критики среди юристов распространилась идея историко-филологического метода, предполагавшего, что римское право следует интерпретировать в контексте той эпохи, когда оно создавалось. Свойственное глоссаторам и комментаторам убеждение в универсальности и юридической действительности римского права ушло в прошлое. Новый «галльский» метод (*mos gallicus*) постепенно трансформировался из обусловленного историей и филологией исследования римского права в общую историцистскую установку, которая обратила интерес юристов к местному праву и обычаям. Таким образом, гуманистический подход стал тем основанием, из которого родилась идея о своеобразии «национального» правового порядка. Данная идея, будучи перенесена в область публичного права, привела к убеждению, что принципы устройства «национального» правопорядка должны выводиться не из универсальных категорий чуждого римского права, но из политической практики прошлого, местных обычаев и «древних конституций». Тем не менее сам по себе исторический метод в силу его сосредоточения на уникальных, специфических чертах правовых порядков не мог обеспечить становления новой публично-правовой

науки. В связи с этим Ж. Боденом был разработан, а впоследствии применен своеобразный сравнительно-правовой подход, который, как полагал французский правовед, должен был служить созданию системы универсальных понятийных категорий публицистической науки.

Ключевые слова

публичное право; методология права; история публичного права; глоссаторы; комментаторы; гуманизм; сравнительное право.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках поддержанного Российским научным фондом научного проекта № 23-28-00973 «Догма публичного права в условиях постглобализации» (<https://rscf.ru/project/23-28-00973/>).

Статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Кондуров В.Е. Становление науки публичного права: от глоссаторов к сравнительному методу Жана Бодена // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 4. С. 34–55. DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.34.55

Research article

The Development of Public Law Theory: from Glossators to Jean Bodin's Comparative Method

Viacheslav Evgenievich Kondurov

Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia, v.kondurov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7331-4305>

Abstract

The beginning of jurisprudence is usually attributed to the 11th–12th centuries, when the school of glossators created a general, scholastic-based methodological approach to the study and teaching of the Roman law. This textualistic method was later transformed by the so-called school of “commentators”, especially Bartolo da Sassoferrato. The commentators, unlike the glossators, were much more interested in particular public law questions. Mainly this interest was dictated by the political situation, including the threat to the autonomy of Italian cities. Nevertheless, a fundamental revision of the glossators’ method became possible only later, when, under the influence of humanist criticism, the idea of the historical-philological method spread among jurists, suggesting that Roman law should be interpreted in the context of the time in which it was created. The glossators and commentators’ belief in the universality and legal validity of the Roman law gone into the past. The new method (*mos gallicus*) was gradually transformed from a history- and philology-driven study of the Roman law texts into a general historicist point of view, which turned the main interest of jurists to domestic law and customs. Thus, the humanist approach became the basis from which the idea of the uniqueness

of the domestic legal order was born. This idea was transferred to the field of public law and led to the belief that the principles of the domestic legal order should be derived not from universal categories of the alien Roman law, but from real political practices of the past, local customs and “ancient constitutions”. Nevertheless, the historical method itself, due to its focus on unique, specific features of legal orders, could not ensure the establishing of a new public law science. In this regard, Jean Bodin developed and later applied a peculiar comparative-legal approach, which, as the French jurist believed, should have served to create a system of universal concepts of public law theory.

Keywords

public law; legal methodology; history of public law; glossators; commentators; humanism; comparative law.

Acknowledgments: The research was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00973 «Dogma of public law in the context of post-globalization» (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00973/>).

The paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Kondurov V. E. (2023) The Development of Public Law Theory: from Glossators to Jean Bodin’s Comparative Method. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 4, pp. 34–55 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.34.55

Введение

В литературе значение сравнительного метода для современного публичного права, как правило, обсуждается с точки зрения: (а) практических целей правового регулирования (заимствование институтов, аргументов и т.д.) [Tschentscher A., 2007: 807–808]; (б) образовательных и просветительских задач [Reitz J., 1998: 617–619]; (в) эпистемологических целей, таких как классификация, уточнение категориального аппарата или построение теоретической модели; (г) гармонизации правовых систем и т.д. [Glenn H., 2006: 57–64]; [Örücü E., 2007: 53–56]; [Троицкая А.А., 2018: 22–30]

Несомненно, все перечисленные аспекты актуальны и ценны для современной науки публичного права. Вместе с тем в исторической ретроспективе сравнительный метод в публичном праве приобретает дополнительное значение ввиду роли, которую данный метод сыграл в генезисе и становлении названной науки. Описанию и анализу этой роли и посвящена настоящая статья.

Наука публичного права начала формироваться на заре Нового времени, сопутствуя становлению современных государств и обретая автономию в борьбе с научным господством римского права. Нельзя сказать, что эта борьба оказалась полностью успешной. Сейчас, как и ранее, мно-

гие ключевые понятия римского права остаются определяющими и для публичного права, и для теории права вообще. Автор настоящей работы не ставит целью делать далеко идущие выводы о позитивных и негативных сторонах присутствия римского наследия в основании публично-правовых конструкций. Проблема некритичного восприятия наукой публичного права категорий древней цивилистики как общеправовых, дискутируется уже длительное время [Белов С.А., 2011: 244–261], и на данный момент в обсуждении вряд ли поставлена точка. В контексте поставленной цели эта дискуссия может служить необходимым фоном, напоминающим о современном состоянии публично-правовой науки и в особенности ее догматики.

Статья сосредоточена на описании пути развития методологии правовой науки как таковой и показывает, какую роль в выделении науки публичного права сыграл сравнительный метод. Для этого автор обратился: (1) к схоластическому методу глоссаторов и (2) тем трансформациям, которым он подвергся под влиянием Бартоло; он описывает (3) историко-филологическую критику гуманистами схоластики и (4) методологические выводы, которые удалось сделать из этой критики последующим поколениям юристов-гуманистов; наконец, (5) анализирует методологический проект Жана Бодена, содержание и смысл его сравнительного подхода.

К сожалению, ввиду необходимых предметных рамок исследования опущен ряд вопросов: периодизация спора схоластиков и гуманистов, нюансы их дискуссий на различных этапах, влияние Реформации и т.п. В оправдание отметим, что всякая схема, в том числе и схема интеллектуальной истории методологических трансформаций в сфере юридической науки не может избежать абстрагирования от частных, тонкостей и вопросов, смежных с предметом исследования. Можем лишь надеяться, что несмотря на соответствующие лакуны, предлагаемое описание в целом остается корректным, по крайней мере в русле узкой постановки вопроса.

1. Глоссаторы и основание правовой науки

Начало науки права принято относить к XI–XII векам, когда в Болонье возникает юридическая школа глоссаторов. Принято считать, что благодаря глоссаторам в Европе возобновилось исследование и преподавание *Corpus juris civilis*, однако их подлинная роль, пожалуй, состоит не в этом. В конце концов изучение римского права осуществлялось и ранее, как в Италии [Марей А.В., 2012: 99], так и во Франции [Бобкова М.С., 1998: 188]. Действительная заслуга школы глоссаторов в том, что они создали систематический подход к корпусу текстов римского

права, сформулировали терминологический и концептуальный аппарат, единый метод работы с соответствующими текстами.

Конечно, на становление юридической науки влияли и иные факторы, будь то возникновение университетской культуры и рецепция римского права, или создание целостной системы канонического права, равно как и известное упорядочивание феодального права [Марей А.В., 2012: 96–102]. Вместе с тем методологически эти первые шаги юридической науки в целом объединены единым методом глоссаторов, без которого первые шаги правовой науки были бы, по-видимому, невозможны.

Возникновение школы глоссаторов справедливо принято приписывать Ирнерию (*Irnerius*), у которого обучались «четыре доктора», из которых в истории остались Мартин (*Martinus Gosia*) и Булгар (*Bulgarus*). Последние стали основателями двух различных школ, отличавшихся, собственно говоря, ответом на вопрос о строгости следования буквальному тексту Свода Юстиниана: первый полагал необходимым придерживаться буквального чтения без оговорок, второй считал необходимым отступать от текста, когда того требовала справедливость. Среди итальянских глоссаторов верх одержала «буквалистская» школа Булгара [Покровский И.А., 1909: С. 9–10].

В основании метода глоссаторов лежала схоластика [Берман Г. Дж., 1998: 127]; [Franklin J., 1963: 30], а потому по своим характеристикам данный метод был лишен филологического или исторического измерения: глоссаторы не учитывали ни различные стадии становления римского права, ни отличия римского общества от социальной ситуации итальянских городов той эпохи. Пожалуй, это не удивительно, так как римское право мыслилось глоссаторами как универсальный рациональный и, что немаловажно, юридически действительный стандарт (*ratio scripta*) [Franklin J., 1963: 9, 16].

Благодаря такому соединению универсальной абстрактности и юридической значимости римское право парадоксально оказывалось связанным с социальной ситуацией и преломлялось через нее, будучи применено, в частности к текущим политическим спорам между Папой, императором Священной Римской империи, итальянскими городами и т.д. Так, изданный Фридрихом Барбароссой в 1158 году список имперских прав (*Constitutio de regalibus*), оправдывающий его власть, в том числе над итальянскими городами, во многом был обоснован именно «четырьмя докторами» [Скиннер К., 2018: 30–31]. В этом отношении, оставляя в стороне чисто политико-правовые вопросы, важно понимать, что проблематика публичного права не была чужда глоссаторам с самого основания их школы. Методологически интересно, что использованный ими метод не претерпевает изменений в зависимости от того,

какой вопрос рассматривается: проблема договорной конструкции, проблема иска или вопрос, является ли император Священной Римской империи *dominus mundi* (господином мира); они разрешаются единым описанным ранее текстоцентричным методом, с абсолютным доверием к тексту как таковому.

2. Метод Бартоло да Сассоферрато

«Буквалистский» метод глоссаторов был основным у ученых-юристов вплоть до возникновения метода «комментаторов» и в особенности работ Бартоло да Сассоферрато. Берущий начало от него стиль преподавания можно для простоты разложить на семь операций [Franklin J., 1963: 12–13]:

praemitto — общая дискуссия о существовании текста, а также определение его терминов и понятий;

scindo — разбор различных правил и принципов, а также формулировка максим для дальнейшего анализа;

summo, casumque figure — общее резюме, дополненное ссылками на ведущих комментаторов, а затем представление иллюстративных примеров либо из Свода Юстиниана, либо из собственного опыта и воображения;

perlegere — чтение комментируемого текста;

causas dare — объяснение соответствующих правил из текста в соответствии с четырьмя причинами Аристотеля;

connotare — исследование связанных отрывков с разрешением очевидных противоречий и указанием параллелей, а также извлечением общих максим;

obicere — разрешение возражений, т.е. опровержение очевидных противоречий мнению автора, причем не только от других комментаторов, но также из сфер канонического и обычного права, юридической практики и т.д.

Как нетрудно заметить, здесь комментатор практически не связан текстом Свода, хотя метод остается схоластическим в своей основе. Ключевая переменная, которую произвел Бартоло относительно стиля глоссаторов, пожалуй, проявляется в том, что факт более не подгоняется под абстрактное положение, но наоборот, закон должен учитывать факты и строиться на их основании [Скиннер К., 2018: 32]. Ввиду этой установки, римское право в руках Бартоло и его последователей становится более гибким и современным, но их метод все еще остается подобным глоссированию в своей основе, равно как не исчезает установка на универсальность и действительность римского права.

В контексте проблемы публичного права в целом и конституционного права в частности, необходимо отметить, что Бартоло и его последователи куда больше интересовались специальными вопросами этих областей права. Сам Бартоло был автором исключительно публично-правовых сочинений, в частности, «О тиране» (*De tyrannia*), «О гвельфах и гибеллинах» (*De Guelphis et Gebellinis*) и «Об управлении городом» (*De regimine civitatis*).

Отчасти интерес Бартоло и комментаторов к публичному праву был продиктован политической ситуацией, в том числе опасностями, которые грозили тогда независимости итальянских городов. Показательно, что Бартоло здесь, как и в методологических вопросах, принимает первичный тезис глоссаторов, но видоизменяет его с учетом собственных представлений. Например, подобно ранним глоссаторам он признает, что император является единственным *dominus mundi* и *de jure* обладает высшей властью, а империя составляет единую юрисдикцию. Однако с учетом методологической посылки о необходимости учета фактов (по сути, о «нормативной силе фактического»), он указывает, что итальянские города *de facto* являются свободными и самостоятельно осуществляют власть, в том числе создают законы, и это — реальность, с которой необходимо считаться. По существу, он обосновывает конституционную независимость итальянских городов от империи, апеллируя к голому факту самостоятельности и независимости [Скиннер К., 2018: 31–37].

Однако даже несмотря на столь заметную перемену, ни методологический, ни политико-правовой пересмотр наследия глоссаторов не ознаменовал окончательного разрыва со «старой» методологией, не указал на историческую конкретность римского права и не привел к возникновению историко-сравнительной перспективы [Томсинов В.А., 1998: 173].

3. Историко-филологический поворот

Первые шаги к подлинно революционному пересмотру старого метода были сделаны в лоне гуманизма такими великими деятелями Ренессанса, как Петрарка, Лоренцо Валла, Маффео Веджио, Помпонио Лето, Полициано [Kelley D., 1970: 89]. Через их критику схоластической диалектики [Perreiah A., 1982: 6–8], аристотелизма, бартолизма в университетах эпохи возникли ростки историзма и филологизма, позже оказавшие прямое влияние на таких приверженцев новой методологии, как У. Цазий, А. Альчато и Г. Бюде [Kelley D., 1967: 808–810].

Филологический метод гуманистов, различным образом преломляясь применительно к областям знания, в наиболее общем виде предпо-

лагал необходимость сосредоточения на языке и историческом (оригинальном) контексте явлений, подлежавших изучению. По меткому выражению М. Гилмора, гуманисты «обращались через головы средневековых комментаторов к авторам основных текстов» [Gilmore M., 1963: 154]. Так, в области библейских споров дебаты между схоластами и гуманистами сводились к вопросу о роли знания древних языков и истории для правильного понимания Библии [Rummel E., 1992: 714, 724]. С гуманистической точки зрения, Священное писание — филологический и исторический памятник, изучать который необходимо критическим инструментарием: «Гуманисты... хотели вмешаться в самый начальный этап процесса интерпретации, настаивая... что грамматист (*grammarian*), как эксперт в языках и реконструкции текстов, должен создать (*establish*) текст как таковой и разъяснить для тех, кто не способен читать в оригинале, значение его слов... Таким образом, несмотря на свои, казалось бы, скромные притязания, гуманисты требовали... власти над самим текстом, над буквальным значением его слов и даже над диапазоном возможных значений, которые эти вдохновенные слова могли иметь для древнего автора» [Nauert C., 1998: 436].

У схоластов такое притязание гуманистов не только означало нарушение естественных границ дисциплин, но и было вторжением чуждых методологических принципов и авторитетов в сферу христианской мысли [Rummel E., 1992: 719], атакой «поэтов» и «грамматистов» на рациональные и вечные основы веры и традиции.

Сходной оппозиция «схоластика-гуманизм» была и в области права. Гуманисты относились к Своду Юстиниана скорее как к филологическому памятнику, стремились раскрыть первоначальное, оригинальное его значение средствами филологии. Иными словами, для гуманистов юридически действительное и универсальное римское право перестало быть актуальным регулятором, вечным *ratio scripta*, применимым к актуальным политическим отношениям [Бобкова М.С., 1998: 189], а превратилось в памятник великой и древней римской цивилизации, который требовал методов изучения, соответствующих его историческому качеству.

4. Гуманистическая юриспруденция

Первые значительные плоды гуманистической критики в области права созрели на заре XVI столетия в трудах Ульриха Цазия (Ulrich Zasius; также Цизий; Германия/Швейцария), Гийома Бюде (Guillaume Budé; Франция) и Андреа Альчато (Andrea Alciato; также Альчиато, Альциат, Альцит; Италия), метод которых — *mos gallicus juris docendi* — бу-

дет развит в том числе Бодуэном, Ле Дюараном (le Douaren, Duarenus), Отманом (Hotman), Кюжа (Cujas, Cujacius; также Кюжас, Куяций) и, наконец, в известной мере Боденом [Скиннер К., 2018: 183].

Наиболее радикальным из «великого триумvirата» был Г. Бюде. В его мышлении филология играла куда большее значение, чем, например, у его младшего современника Альчато. В 1508 году Бюде опубликовал одно из наиболее значительных своих произведений — «Аннотации к двадцати четырем книгам пандектов» (Annotationes in quattuor et viginti Pandectarum libros), где призывал реконструировать оригинальное значение понятий и положений римского права [Franklin J., 1963: 19–20]. Тем самым Бюде развивал своеобразный метод, одновременно филологический и, отчасти, исторический: филология в данном контексте означала лучший способ исследования и восстановления античной культуры, призыв к исторической (оригинальной) интерпретации текстов средствами филологического анализа. Так, все антиномии в текстах римского права, как полагал Бюде, являются либо следствием позднейших наслоений, возникших благодаря глоссаторам и комментаторам, либо свидетельствами исторической изменчивости римского права. Соответственно, их расшифровка возможна лишь средствами искусной филологии и историческим чутьем [Kelley D., 1967: 812, 814–815, 819].

Наряду со сказанным, Бюде, пожалуй, одним из первых привлекает элементы сравнительного метода. Возможно, в силу присущего ему галликанства, предполагающего живой интерес к французским институтам, он «почти навязчиво проводил параллели между античными институтами и институтами современной [ему] Франции». Тем не менее, в общем и целом, его убеждение в исключительном своеобразии и автохтонном характере институтов различных народов и исторических эпох это практически не затрагивало [Kelley D., 1967: 823, 824].

Другой участник «великого триумvirата», Ульрих Цазий, был гораздо более профессионален, чем Г. Бюде (если говорить о юридической стороне дела). В работах он даже придерживался внешне «бартолистского» стиля, хотя не отвергал ни тонкостей нового гуманистского метода, ни заинтересованности в историческом генезисе права [Kelley D., 1970: 90]. Он утверждал, что уважает авторитет «старых» докторов Аккурсия, Бартоло и т.д., хотя не стеснялся порой высокомерно (и не всегда удачно) критиковать их. Так, слова Бальди де Умбальди (Бальд, Бальдус) о том, что надлежит «следовать Аккурсию как болонцы своему кароччо (Caroccio)», он истолковал так, будто речь идет о неизвестном ему глоссаторе (Carocius), хотя под кароччо в Италии эпохи Бальда понималась четырехколесная повозка, на которой находился штандарт города и был установлен алтарь, где во время битвы проходила литургия, а труба-

чи воодушевляли солдат перед боем [Thieme Н., 1964: 66–67]. Ошибка весьма незначительная, однако в свете постоянных упреков в незнании культурных и исторических реалий, которые гуманисты обращали против глоссаторов и комментаторов, неточность показательная.

Хотя Бюде был первым из радикальных реформаторов старого метода, а самым старшим из «триумvirата» был Цазий, именно Альчато считается основателем подлинно гуманистической юриспруденции [Kelley D., 1967: 826]; [Kelley D., 1970: 92]. Несмотря на первичную приязнь и признание со стороны Г. Бюде, молодой итальянский юрист далеко не всегда разделял позиции старшего коллеги. Он был куда более сдержан в историзации юридических проблем, с определенным скепсисом относился к филологии, прохладно оценивал вклад Лоренцо Валла, который, как полагал Альчато, ничего не смыслил в юриспруденции. Так, разбирая критику Валлы в адрес «Константинова дара», Альчато указал, что та касается лишь исторического вопроса и юридических притязаний Папы не затрагивает. Не менее скандально звучал для уха всякого французского гуманиста-галликанца и тезис Альчато: «Я придерживаюсь мнения Бартоло как наиболее близкого к истине, что французский король признал Императора как стоящего выше по праву (*superior in law*)» [Kelley D., 1970: 98, 99]. В методологическом ключе Альчато также не всегда совпадал с Цазием или с Бюде: итальянский гуманист полагал, что при толковании текстов мы, конечно, должны следовать грамматике, но также учитывать волю и дух законов.

Впрочем, заслуга Альчато была не столько в разработке нового метода, сколько в придании общей методической тенденции необходимых ей зрелости и равновесия, перспективы развития. Тем более, именно он ввел исторический метод в структуру юридического образования, что и позволило злым языкам называть следующее за «триумvirатом» поколение юристов «новой сектой Альчато» (*new sect of Alciato*) [Kelley D., 1970: 87–88, 99].

Шедшие вслед за «триумvirатом» Бодуэн, Отман, Ле Дюаран, Кюжа и другие, лишь развили и усилили заложенный в трудах своих предшественников исторический заряд. Не последнюю роль здесь сыграл и куда более филологоцентричный Бюде, интерес которого к французским институтам, продиктованный галликанством, парадоксально помог следующему поколению отвергнуть некоторые свойственные первым гуманистам «классицистские» предрассудки: внимание к политико-правовой истории возобладало над свойственным гуманистам почитанием классической Античности. Постепенно историко-филологический метод изучения права преобразовался в исследование институциональной и правовой истории как базы для построения публично-правового порядка [Kelley D., 1970: 88].

Примером здесь может служить Франсуа Бодуэн, подробно и глубоко изучавший историю права, обычное право и историю церкви. Наряду с этим он был одним из первых, кто обратил внимание, что задача юриста — консультирование не только гражданских лиц, но и государей. Источников римского права недостаточно для мудрого государственного строительства, причины революций и смен политических форм черпаются лишь из истории, и потому именно она является главным источником благоразумия для государственных деятелей [Franklin J., 1963: 44], а равно ключом к пониманию права в принципе. Наконец, его главным достижением, превосходящим многочисленные комментарии [Kelley D., 1970: 131], было руководство по историческому методу — «Институты всеобщей истории и их связь с юриспруденцией» (*De institutione historiae universae: et eius cum iurisprudentia coniunctione*). Но что касалось юриспруденции, даже у Бодуэна она все еще, по преимуществу, сводилась к изучению именно памятников римского права.

Можно также вспомнить, что другой деятель позднего гуманизма, Ле Дюаран в последние десятилетия жизни углубился в изучение канонического и феодального права [Kelley D., 1967: 831]. Кроме того, именно он был первым, начавшим осмысливать отношение между светской и сакральной властью (церковью и государством, как бы сейчас сказали) [Kelley D., 1970: 104].

Наиболее ярко историческая направленность творчества гуманистов проявилась, пожалуй, в работах «величайшего» [Kelley D., 1970: 112] из них — Жака Кюжа, ученика юриста-гуманиста и галликанца Арно де Феррье. Знаток в равной мере греческого и латыни, Кюжа преимущественно знаменит историческими исследованиями памятников римского права, в том числе составленных до Юстиниана [Prévost X., 2019: 136]. Вместе с тем одним из наиболее значимых его достижений было критическое издание сборника феодального права *Libri feudorum*, что вполне укладывалось в общий интерес юристов его поколения к феодальному праву. Именно последователи Кюжа, как отмечается в литературе, позднее сделали для французского средневекового права то, что гуманисты уже сделали для римской античности [Kelley D., 1967: 833].

Вместе с тем, несмотря на ярко выраженную историческую направленность исследований Кюжа, про него нельзя сказать, что он был, как гуманист, радикален в отношении глоссаторов и комментаторов. Здесь, как и у Альчато, сказывалось, возможно, его юридическое образование и общее почитание римского права. Отмечается, например, что *Glossa ordinaria* Аккурсия являлась по существу основой его лекций, и там, где великий глоссатор был с точки зрения Кюжа справедлив в своей интерпретации, французский гуманист нисколько не стеснялся отсылать пря-

миком к нему («...я буду аннотировать столько, сколько Аккурсий не заметил, плохо заметил или недостаточно глубоко изложил»). Нередки в его работах ссылки и на Бартоло. Вместе с тем метод Кюжа, его чисто историческая заинтересованность в источнике, а не в авторитетной интерпретации и современном применении положений источника, делает его представителем *mos gallicus*, ничуть не уступавшим современникам [Prévost X., 2019: 140, 143].

Куда радикальнее в отрицании значимости римского права был Франсуа Отман. Он, по существу, первым в наиболее ясном виде перенес исторический метод гуманистов в сферу публичного права. Одной из основных и, пожалуй, наиболее ярких его идей была теория о радикальной автохтонной самостоятельности всякого правопорядка. Отман полагал, что ни одна правовая система не может быть действительна вне социального контекста, в котором она создана. В историко-культурном релятивизме Отман идет так далеко, что отрицает предложенную Аристотелем типизацию политических форм. По его мнению, она не исчерпывала ни политических, ни исторических реалий. Условно относимые к единому типу монархии в действительности, полагал Отман, управляются по-разному, основа их власти может быть различной, у них может отличаться соотношение военных и гражданских должностей и т.д. [Kelley D., 1970: 112]

Из названной посылки о своеобразии всякого правового порядка Отман делал вывод, что римское право не может быть применимо к совершенно отличному от римского французскому порядку [Hotman F., 2021: 74]; [Franklin J., 1963: 21]. Его стратегия дискредитации значимости римского права была проста. Во-первых, на многочисленных примерах он стремился показать расхождения между структурами французского и римского порядков, а также составляющих их институтов. К примеру, он резонно замечал, что в сфере публичного права вся римская правовая система основывалась на дуализме статусов патрициев и плебеев, тогда как французское право базируется на тройственной схеме «дворяне (*nobles*) — плебеи (*roturiers*) — крепостные (*serfs*)». Во-вторых, он стремится доказать, что *Corpus juris civilis* — это не римское право, но весьма специфический, противоречивый продукт эпохи Юстиниана, это фрагмент римского права, который не способен дать о целом ясного представления. Вместо римского права Отман предлагает обращаться к разуму и французскому опыту, обычаям Франции, ее «древней конституции» и политической форме [Franklin J., 1963: 47, 57–58].

У этого призыва был, конечно, и политический контекст. Обычное право, «древняя конституция» и т.д. не проистекают из волевого властного решения, но всегда являются ограничением политического усмотрения. В связи с этим не вызывает удивления, что борец с зарождающимся

абсолютизмом Франсуа Отман, равно как и иные так называемые «борцы с монархией» — монархомахи, обратил столь пристальное внимание на обычное право, противопоставив его праву римскому¹.

Суммируя сказанное, мы, по крайней мере, можем наблюдать, что гуманистический подход, приведший к возникновению историзма в праве, породил мысль о своеобразии всякого институционального порядка. Тем самым в область публичного права проникла историцистская методология, предполагавшая в своем итоговом завершении, что принципы публичного права должны обосновываться исследованиями политических практик прошлого, местных «древних конституций» и традиционных свобод, существовавших в прошлом. Одновременно с этим росло и уважение к обычному праву, противопоставляемому в определенной степени системе римского права (этот удар был направлен и против гуманистов).

Вместе с тем, несмотря на все оговорки, в подавляющем большинстве своих представителей (возможно, кроме Отмана и, с оговорками, Бодуэна) «историческая» школа гуманистов интересовалась в первую очередь римским правом, и их главной целью было восстановление римских памятников в оригинальной чистоте [Kelley D., 1970: 103]. Куда меньше гуманистов занимали вопросы французского права, и в еще меньшей — действующие политические проблемы, которые могла бы исследовать публично-правовая наука. Римское право, как было упомянуто, перестало восприниматься как нечто универсально применимое, а потому напрямую не могло в полной мере служить основой новой науки. Историчистского метода было явно недостаточно для создания системы публичного права Нового времени. Так, анализ одной из наиболее значимых проблем того времени, а именно юридическое описание французской монархии, абсолютной «при поддержании мира, но примиренной со свободами французов», было невозможно осуществить категориями римского права [Franklin J., 1963: 42].

Следующий шаг к отделению публичного права от старой методологии сделал Ж. Боден, дополнивший установку на историческое исследование сравнительным методом.

5. Сравнительно-правовой метод Жана Бодена

Несмотря на то, что *alma mater* Жана Бодена была Тулуза, которая не была оплотом гуманизма, а также на то, что сам Боден не почитал первых гуманистов (таких, как Полициано и Валла) [Kelley D., 1984: 126], нельзя сказать, что он был далек от гуманистической юриспруденции.

¹ О противопоставлении римского и обычного права см.: [Franklin J., 1963: 37–38].

По крайней мере, на первых порах он действовал и думал в русле *mos gallicus* [Franklin J., 1963: 60]. Лишь впоследствии, отойдя от приверженности «галльского» метода оригинальному римскому праву, Боден сблизился (возможно, на почве юридической практики) с легистской традицией [Kelley D., 1984: 130].

В свою очередь, с политической точки зрения Ж. Боден принадлежал к так называемым «политикам» (хотя в то время, на удивление, не был среди них яркой фигурой), т.е. к умеренной фракции юристов, полагавших, что религиозный раскол и порожденная им гражданская война могут быть прекращены только с возвышением королевской власти. Однако королевская власть не казалась им чем-то уничтожающим традиционные свободы. Напротив, в ней видели гарантию порядка и проистекающих из нее свобод [Franklin J., 1963: 41].

Именно политики-легисты в условиях межконфессиональной гражданской войны создавали и обосновывали ключевые понятия государства Нового времени. В связи с этим многие из приводимых ими аргументов и создаваемых понятий не столько проистекали из абстрактных построений, сколько были продиктованы экзистенциальной ситуацией кризиса и раскола. Например, утверждение, что даже тирания не является обоснованием для гражданской войны, распространенное среди «политиков», равно как и часто критикуемое отождествление приказа короля и права как такового, не были связаны с универсальной системой взглядов, но были продиктованы ужасом происходящей междоусобицы [Schnur R., 1994: 179, 187, 190]. Звезда Бодена также восходит на фоне кровавых межрелигиозных распрей. От многих современных ему «политиков» Бодена при этом отличает куда большая системность подхода, что, по-видимому, и обеспечило ему будущую славу.

Принадлежность Бодена к политикам-легистам важна, чтобы с необходимой ясностью отделить критику римского права монархонами и гугенотами (как Ф. Отман) от такой критики у Бодена. Действительно, последний прямо заявлял, что любые попытки найти в римском праве универсальное основание — это нелепость: «Я умалчиваю о том, сколь абсурдно желание вынести приговор о всеобщем праве на основании римских законов, которые менялись по малейшему поводу, главным образом потому, что почти все Законы Двенадцати таблиц были упразднены благодаря бесконечному множеству эдиктов и указов, а затем и законопроекту Эбуция, и старые <законы> то и дело теряли силу из-за вновь появлявшихся. Мы видим, что даже кодекс Юстиниана был почти полностью отменен последующими императорами. Я умалчиваю о том, сколь много абсурдного в сохранившихся законах и сколь много было отвергнуто справедливыми постановлениями почти всех народов и са-

мой жизнью... Все пятнадцать мужей, назначенных Юстинианом для составления законов, когда все было растоптано отвратительным варварством, до такой степени замутили источники права, что почти ничего чистого не извлекается из грязи и тины» [Боден Ж., 2018: 42–43].

Как видно из приведенного отрывка, критические аргументы Бодена не отличаются новизной: он указывает на эклектичность римского права, наличие различных наслоений и неактуальность и т.д. Вместе с тем его критическая позиция отличается тем, что его атака на римское право продиктована в своем политическом аспекте не оппозицией римскому католицизму, а его чисто легистской поддержкой бесспорной юридической власти монарха над Францией [Hirschl R., 2018: 116].

Вместе с тем политический аспект, конечно, не исчерпывает содержания и последствий критики Боденом римского права. У этой критики есть очевидные методологические следствия, особенно если помнить, что вышеприведенное замечание находится в труде, где и были сформулированы начала сравнительного метода — в вышедшем в 1566 году «Методе легкого чтения историй» (*Methodus ad facilem historiarum cognitionem*). В данной работе Боден противопоставляет сравнительный метод всем своим предшественникам, сосредоточившимся на римском праве, и со ссылкой на Платона заявляет, что «есть единственный способ устанавливать законы и управлять государством — это если бы благородные мужи, собрав воедино все законы всех государств или самых известных, сравнили их между собой и выплавили из них наилучшую форму» [Боден Ж., 2018: 42].

Речь, конечно, не идет о бессистемном сборе разнородного исторического материала [Боден Ж., 2018: 43]. В своей визионерской работе Джулиан Франклин описывает методическую систему Бодена как сочетание трех элементов: изложение *jus gentium* через определение на основе правовой истории необходимых или наиболее действенных принципов права; создание системы сравнительного правоведения; оформление социологической теории истории права.

Следуя данной схеме, можно свести метод Бодена к следующим установкам: на основании истории различных народов и их политико-правовых практик необходимо выявить общие для них и наиболее действенные принципы, общие предметы (например, у каждого народа есть публичное и частное право, есть законы, различные обычаи и учреждения и т.д.); вокруг них выстраиваются законы с целью сравнения и выявления общих предписаний; после этого необходимо определить основные различия в конституциях, сравнить их между собой, указав их преимущества и недостатки; на последнем этапе устанавливается связь между конституциями народов и их характерами, продиктованными,

как полагал Боден, в том числе географическими условиями жизни. В результате, как пишет Дж. Франклин, получалась всеобъемлющая, подкрепленная множеством примеров и универсальная система сравнительного конституционного права [Franklin J., 1963: 69, 77].

Таким образом, подход Бодена отличался тем, что он предполагал не только сопоставление римских и французских институтов (что мы находим даже у Бюде), но сравнение институтов множества обществ, форм их правления и конституций. Еще одним важным и принципиальным был систематический, а не окказиональный характер сравнения Бодена. Несложно догадаться, что в эпоху раннего Нового времени работы последнего не были единственными, в которых фигурировал сравнительный метод. К примеру, Б. де Шасснэ (B. de Chasseneuz; также Шассенё, Шассено) не только пытался в бартолистской манере систематизировать обычное право, но и внес в исследования последнего элементы сравнительного метода (например, сопоставляя *droits de justice* с *jura meri imperii*, а кутюмы с римскими понятиями о неписаном праве). Вместе с тем подобное сравнение французских и римских институтов, также антиисторичное, как и сравнение в работах Ж. Бодена, не отличается ни всеобъемлющим характером, ни системностью. Кроме того, нечто подобное мы находим еще у Бюде.

Аналогично, элементы компаративистики встречаются в ряде юрико-технических и управленческих трактатов того времени, например в работе Винсена де ла Лупа (Vincent de la Loupe) о достоинстве магистратов (Premier et second livre des Dignitez, magistrats et offices du royaume de France...1560), трактате Жана Дюре (Jean Duret) о сравнении римских магистратов и французских чиновников (L'harmonie et conférence des magistrats romains avec les officiers françois, tant laiz, que ecclesiastiques : où succinctem... 1574) и т.д. Вместе с тем, как отмечает Д. Келли, в этих и подобных им работах «использование сравнительного метода варьировалось от надуманных аналогий, как сравнение “Салической правды” с римским *lex regia*, до самых изощренных обсуждений институтов юстиции (judicial organizations), бюджетных ресурсов (fiscal resources) или влияния иностранных институтов» [Kelly D., 1984: 136–137]. Иными словами, всем этим сочинениям не хватало ни системности, ни масштаба сравнения, который мы находим у Ж. Бодена, ни его абсолютной цели — построения новой систематической науки публичного права.

Ввиду указанной цели примечательно, что Бодену был чужд сколько-либо «хронологический» подход к сравнению, он брал материал из истории, но само сравнение носило преимущественно надвременной характер [Kelley D., 1984: 130]. Уже в «Методе легкого чтения историй» он со всей ясностью указывает, что будет ориентироваться не только на

древние законы (римляне, евреи и т.д.), но и на законы бриттов, испанцев, итальянцев, германцев и т.д. [Боден Ж., 2018: 43] Причиной такого анахронического подхода, слабо сочетавшегося с историцизмом гуманистов, является то, что Боден сравнивает институты разных народов в свете не условных, но абсолютных целей — поиска универсальной и истинной природы соответствующего института, ведь конечным результатом сравнения должна стать универсальная система публичного права.

Иными словами, на материале сравнения сходных институтов различных обществ Боден стремился создать систему публично-правовых понятий, которые могли быть в должной степени универсальными для описания с их помощью любого возможного публичного порядка. Таким образом, при помощи истории и сравнительного метода Боден пытался достичь универсального знания о человеческих сообществах, дать этому знанию понятийное выражение и привести в систему, тем самым создав, по существу, новую науку публичного права и политики. Это можно наблюдать на примере книги II «Шесть книг о республике» (1576), в которой Боден на богатом фактическом материале сравнивает различные публичные порядки для выявления истинной природы этих политических форм, а равно использует полученные универсальные понятия для анализа государств. Так, исследуя варианты аристократического правления (Геную, Швейцарию, Венецию, Древний Рим, греческие полисы и т.д.), Боден делает вывод, что современная ему Священная Римская империя является аристократией, где сословия имеют суверенную власть над императором [Bodin J., 1606: 236].

В свете изложенного критическое замечание Бодена о том, что римское право не может служить универсальной системой, не означает отказа от ценности универсальности как таковой, но призвано указать на недостаточность римского права. Уничтожение «исключительности» римского права как единственно возможного содержания правовой науки было важно Бодену именно в методологическом смысле, поскольку позволяло приступить к созданию (посредством сравнения) совершенной новой науки публичного права [Hirschl R., 2018: 118].

Сказав столь многое о революционном характере методологии Жана Бодена, нельзя не сделать и оговорок. Степень свободы Бодена от старых понятий римского права и его авторитетов не стоит абсолютизировать. В своей догматической части публичное право все еще оставалось в той или иной мере зависимым от старых понятий. Так, ряд использованных Боденом концептов был напрямую перенесен из римского частного права. Например, он квалифицировал юридически публичную власть как *potestatem publicam*, которое, по существу, представляет собой перенос *potestas privata* частного права из гражданского права в сферу права пу-

бличного [Спекторский Е.В., 2006: 109]. Не говоря уже о том, что даже для него римское право, как и для почитаемого им «принца легистов» Шарля Дюмулена (Charles Du Moulin, также Dumoulin), оставалось источником многочисленных примеров, проблем и аргументов, которые он использовал для решения проблем французского публичного права [Kelley D., 1984: 136]; [Gilmore M., 1967: 93].

Не менее интересно и то, что в вышедшем куда позднее «Метода...» и «Шести книг о республике» труде «О демономании колдунов» Ж. Боден прямо опирается на постглоссаторов Бартоло да Сассоферрато, Бальда и других [Боден Ж., 2021: 303, 336, 338, 350 и др.]. Ссылки на знаменитых комментаторов присутствуют, как правило, в определении правил доказывания в рамках «процесса над ведьмами», т.е. не относятся непосредственно к конституционному праву. Однако ряд вопросов касается, к примеру, разделения светской и церковной юрисдикций [Боден Ж., 2021: 350], человеческого и божественного законов и т.д.

Соответственно даже в трудах Бодена публичное право, получив известную и чрезвычайно важную методологическую автономию, не приобрело окончательной концептуальной и догматической самостоятельности. Своим сравнительным методом, не всегда свободным от ошибок [Kelley D., 1984: 130], Боден только лишь пытался найти путь к самостоятельной концептуальной догматике публичного права, остававшейся делом будущего.

Заключение

Сравнительный метод сыграл ключевую роль в выделении науки публичного права в качестве более или менее автономной дисциплины. Несомненно, другие факторы, такие как становление государств Нового времени и секуляризация, также занимают далеко не последнее место в истории обозначенного процесса. Тем не менее с методологической точки зрения только сравнительному методу в виде, сформулированном Боденом, удалось создать базис дальнейшего позитивного развития, которое мы находим позднее, например, в трудах Ш. Монтескье. В свою очередь филолого-исторический подход гуманистов, ввиду его интереса в первую очередь к специфическому, конкретному и уникальному, остался все же инструментом критики.

В основании сравнительного подхода Бодена, напротив, лежало убеждение в необходимости выявления универсальных понятийных категорий, которые в дальнейшем могли бы быть использованы не только для анализа, но и для построения публично-правового порядка, т.е. для целей политики права. В этом смысле, конечно, нельзя сказать, что

французский юрист руководствовался исключительно целями чистого познания — его подход имел в виду и прагматику ситуации. Такой подход, универалистский по своим целям и антиисторический по характеру напоминал скорее возврат к трудам Аристотеля, чем гуманистическую критику.

Конечно, сравнительный метод Жана Бодена невозможно отождествить с современными компаративистскими исследованиями, куда более изощренными. Тем не менее для современной публично-правовой науки, как кажется, важно помнить о роли сравнительного метода в ее становлении. Это требование продиктовано не только одним лишь археологическим интересом. Метод Бодена может служить напоминанием современным компаративистам. Напоминанием об опасности и о надежде. С одной стороны, сравнительный метод как таковой, если иметь в виду его универалистскую цель, предполагает убеждение, что из цветущего многообразия эпох и институтов можно вычленить общие для всех времен и народов юридические понятия и/или модели правового регулирования. Это убеждение может корректироваться или смягчаться, может становиться даже более радикальным, если сводится к простой прагматике заимствования. Вместе с тем современной правовой науке вполне очевидно, что при всем внешнем сходстве понятий, например, правового государства сейчас и в момент возникновения данной концепции в XIX веке их содержание значительным образом различается. В равной мере это относится к понятию юстиции (сейчас и, например, в XVI веке во Франции), полиции (в современную эпоху и в XIX веке) и т.д.

По этому антиисторический сравнительный подход Бодена вряд ли может считаться абсолютным образцом при всей привлекательности самой идеи нахождения универсальных понятий и регуляторных схем. В этом смысле сравнительный метод Бодена сам принадлежит прекрасной эпохе юридической веры в универсальное естественное и божественное право.

Таким образом, данный метод напоминает компаративистам об опасности чистого антиисторизма. Вместе с тем современной науке публичного права, страдающей от непроясненности ряда фундаментальных догматических понятий (например, понятие «полномочие», которое в лучшем случае не ясно определяется как одновременно право и обязанность), вера, лежащая в основании подхода Жана Бодена, могла бы дать надежду на системность и определенность концептуальных схем. В конечном счете вера в универсальный правопорядок и в универсальные категории юридической науки — это, быть может, разные веры, где вторая вполне может и не зависеть от первой.

Список источников

1. Белов С.А. Теория публичного правоотношения: перспективы избавления от цивилистической догматики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 2. С. 244–261.
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Норма, 1998. 624 с.
3. Бобкова М.С. Пути становления национальной школы права во Франции XVI века // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1998. № 3. С. 188–196.
4. Боден Ж. Метод легкого чтения историй I. Что есть исторический жанр. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 552 с.
5. Боден Ж. О демонии колдунов. СПб.: Chaos Press, 2021. 411 с.
6. Марей А.В. К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96–102.
7. Покровский И.А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права. СПб.: типография Вольфа, 1909. 53 с.
8. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Дело, 2018. 464 с.
9. Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. II. СПб.: Наука, 2006. 531 с.
10. Томсинов В.А. Рецепция римского права в Западной Европе в Средние века: постановка проблемы // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1998. № 3. С. 169–175.
11. Троицкая А.А. Цели сравнительных исследований в конституционном праве // Государство и право. 2018. № 7. С. 21–38.
12. Bodin J. Six Bookes of a Commonwealth. London: G. Bishop, 1606, 794 p.
13. Glenn H. Aims of Comparative law / Elgar Encyclopedia of Comparative Law. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2006, pp. 57–65.
14. Gilmore M. Argument from Roman Law in Political Thought 1200–1600. New York: Russell & Russell, 1967, 148 p.
15. Gilmore M. Humanists and Jurists. Six Studies in the Renaissance. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1963, 198 p.
16. Hotman F. Antitribonian. Leiden: Brill Nijhoff, 2021, 256 p.
17. Hirschl R. Comparative Matters. The Renaissance of Comparative Constitutional Law. Oxford: University Press, 2018, 304 p.
18. Kelley D. Foundations of Modern Historical Scholarship: Language, Law, and History in the French Renaissance. New York: Columbia University Press, 1970, 321 p.
19. Kelley D. Guillaume Budé and the First Historical School of Law. The American Historical Review, 1967, vol. 72, no. 3. pp. 807–834.
20. Kelly D. The Development and Context of Bodin's Method. In: Kelly D. History, Law and the Human Sciences. Medieval and Renaissance Perspectives. London: Variorum Reprints, 1984, pp. 123–150.
21. Nauert C. Humanism as Method: Roots of Conflict with the Scholastics. The Sixteenth Century Journal, 1998, vol. 29, no. 3, pp. 427–438.
22. Örüçü E. Developing Comparative Law. In: Comparative Law. A Handbook. Oxford: Hart Publishing, 2007, pp. 43–65.

23. Perreiah A. Humanistic Critiques of Scholastic Dialectic. *The Sixteenth Century Journal*, 1982, vol. 13, no. 3, pp. 3–22.
24. Prévost X. Jacques Cujas (1522–1590). In: *Great Christian Jurists in French History*. Cambridge: University Press, 2019, pp. 134–148.
25. Reitz J. How to Do Comparative Law. *The American Journal of Comparative Law*, 1998, no. 4, pp. 617–636.
26. Rummel E. Et cum theologo bella poeta gerit: The Conflict between Humanists and Scholastics Revisited. *The Sixteenth Century Journal*, 1992, vol. 23, no. 4, pp. 713–726.
27. Schnur R. Die französischen Juristen im konfessionellen Bürgerkrieg des 16. Jahrhunderts / Festschrift für Carl Schmitt zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern. Berlin: Duncker, 1994, pp. 179–218.
28. Tschentscher A. Dialektische Rechtsvergleichung — Zur Methode der Komparistik im öffentlichen Recht. *Juristen Zeitung*, 2007, no. 17, S. 807–816.
29. Thieme H. Ulrich Zasius und die Glosse des Accursius. *Publications du Centre Européen d'Etudes Bourguignonnes*, 1964, vol. 6, pp. 63–68.

References

1. Belov S.A. et al. (2011) The Theory of Public Law: Rejection of Civil Dogmatics. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy. Pravovedenie*=Proceedings of Higher Education Institutions. Legal Studies, no. 12, pp. 244–261 (in Russ.)
2. Berman H. (1998) *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition*. Moscow: Norma, 624 p. (in Russ.)
3. Bobkova M.S. (1998) Development Paths of the National Legal School in 16th Century France. *Drevnee Pravo. IVS ANTIQVVM*=The Ancient Law. IVS ANTIQVVM, no. 3, pp. 188–196 (in Russ.)
4. Bodin J. (1606) *The Six Books of a Commonwealth*. London: G. Bishop, 794 p.
5. Bodin J. (2018) *Method for the Easy Comprehension of History*. Moscow: HSE Press, 552 p. (in Russ.)
6. Bodin J. (2021) *On the Demon-mania of Witches*. Saint Petersburg: Chaoss Press, 441 p. (in Russ.)
7. Gilmore M. (1963) *Humanists and Jurists. Six Studies in the Renaissance*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 198 p.
8. Gilmore M. (1967) *Argument from Roman Law in Political Thought 1200–1600*. New York: Russell & Russell, 148 p.
9. Glenn H. (2006) Aims of comparative law. In: *Elgar Encyclopedia of Comparative Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 57–65.
10. Hirschl R. (2018) *Comparative Matters. The Renaissance of Comparative Constitutional Law*. Oxford: University Press, 304 p.
11. Hotman F. (2021) *Antitribonian*. Leiden: Brill Nijhoff, 256 p.
12. Kelley D. (1967) Guillaume Budé and the First Historical School of Law. *The American Historical Review*, vol. 72, no. 3, pp. 807–834.
13. Kelley D. (1970) *Foundations of Modern Historical Scholarship: Language, Law, and History in the French Renaissance*. New York: Columbia University Press, 321 p.
14. Kelly D. (1984) The Development and Context of Bodin's Method. In: Kelly D. R. *History, Law and the Human Sciences. Medieval and Renaissance Perspectives*. London: Variorum Reprints, pp. 123–150.

15. Marey A.V. (2012) To Understanding Phenomenon of Roman Law Reception: The Formation of *Ius Commune* in Western Europe in the 12th–14th Centuries. *Gosugarstvo i pravo*=State and Law, no. 5, pp. 96–102 (in Russ.)
16. Nauert C. (1998) Humanism as Method: Roots of Conflict with the Scholastics. *The Sixteenth Century Journal*, vol. 29, no. 3, pp. 427–438.
17. Örücü E. (2007) Developing Comparative Law. In: *Comparative Law. A Handbook*. Oxford: Hart Publishing, pp. 43–65.
18. Perreiah A. (1982) Humanistic Critiques of Scholastic Dialectic. *The Sixteenth Century Journal*, vol. 13, no. 3, pp. 3–22.
19. Pokrovskiy I.A. (1909) *Natural Law Movements in the History of Civil Law*. Saint Petersburg: Wolf, 53 p. (in Russ.)
20. Prévost X. (2019) Jacques Cujas (1522–1590). In: *Great Christian Jurists in French History*. Cambridge: University Press, pp. 134–148.
21. Reitz J. (1998) How to Do Comparative Law. *The American Journal of Comparative Law*, no. 4, pp. 617–636.
22. Rummel E. (1992) Et cum theologo bella poeta gerit: The Conflict between Humanists and Scholastics Revisited. *The Sixteenth Century Journal*, vol. 23, no. 4, pp. 713–726.
23. Schnur R. (1994) Die französischen Juristen im konfessionellen Bürgerkrieg des 16. Jahrhunderts. *Festschrift für Carl Schmitt zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern*. Berlin: Duncker, pp. 179–218.
24. Skinner K. (2018) *The Foundations of Modern Political Thought. Vol 1: The Renaissance*. Moscow: Delo, 464 p. (in Russ.)
25. Spektorsky E.V. (2006) *The Problem of Social Physics in the Seventeenth Century*. Vol. 2. Saint Petersburg: Nauka, 531 p. (in Russ.)
26. Thieme H. (1964) Ulrich Zasius und die Glosse des Accursius. *Publications du Centre Européen d'Etudes Bourguignonnes*, vol. 6, pp. 63–68.
27. Tomsinov V.A. (1998) The Reception of Roman Law in Western Europe in the Middle Ages: Setting the Problem. *Drevnee parvo. IVS ANTIQVVM*= The Ancient Law. *IVS ANTIQVVM*, no. 3, pp. 169–175 (in Russ.)
28. Troitskaya A.A. (2018) The Aims of Comparative Research in Constitutional Law. *Gosugarstvo i pravo*=State and Law, no. 7, pp. 21–38 (in Russ.)
29. Tschentscher A. (2007) Dialektische Rechtsvergleichung — Zur Methode der Komparistik im öffentlichen Recht. *Juristen Zeitung*, no. 17, S. 807–816.

Информация об авторе:

В.Е. Кондуров – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

V. E. Kondurov—Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 04.10.2023; принята к публикации 17.10.2023.

The article was submitted to editorial office 21.08.2023; approved after reviewing 04.10.2023; accepted for publication 17.10.2023.